

Вера Мусяк

# АВГУСТ-ИЮЛЬ

Повесть

СОДЕРЖИТ  
НЕЦЕНЗУРНУЮ  
БРАНЬ

18+

# **Вера Мусияк**

## **Август – июль**

*[http://www.litres.ru/pages/biblio\\_book/?art=55562700](http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=55562700)*

*SelfPub; 2020*

### **Аннотация**

Юность – звенящая, влюбленная, такая растерянная перед огромным миром, который с каждым днем открывается все больше, то пугая, то завораживая. Эта повесть – о юности, жившей в Омске в начале 2010-х, о любви и смерти, о мучительном дуализме души и тела, о пьяных летних вечерах и молочных детских воспоминаниях. О нас. Содержит нецензурную брань.

# Содержание

Август	5
1	5
2	14
3	20
4	29
Конец ознакомительного фрагмента.	33

*Моим подругам: Тане, Даше, Алине*

# Август

## 1

Полуночный актовый зал лагеря «Березка» был наполнен желтым светом. Пахло средством от комаров и водкой. Надя, в красной толстовке поверх белого выпускного платья, стояла на сцене спиной к залу и смотрела на стену, четыре часа назад служившую фоном каждого представления вечернего конкурса «Визитка». На стене были нарисованы бордовые кулисы, а между ними – солнце, березка и речка, утекающая в какое-то недоступное всем остальным пространство. Примерно в одном направлении с речкой бежал пионер в белой рубашке и синих шортах. Краска на носу мальчика облупилась, обнажая несовершенство идиллической картины. Надя почему-то не могла оторваться от этой выщерблинки; ее взгляд весь сегодняшней вечер сбегал к ней, отвлекая от представлений конкурса «Визитка», оставляя непонятыми большинство шуток про вожатых и начальника смены Плаксина и не расслышанными – большинство песен про подъем, накрывание в столовой и другие тяготы отрядной жизни. И все десять секунд, что она провела одна на сцене в ночь вожатского посвящения, Надя смотрела только на этот обезображенный нос напротив себя. Честно говоря, это бы-

ли очень долгие десять секунд. За время, предшествовавшее падению, в голове Нади пронеслось почти целое лето.

Две секунды Надя вспоминала дождливый июнь с бесконечной сессией. Тогда она была так насыщена чужеродными пыльными знаниями, что почти ощущала в ночной тишине физическое присутствие бородатых мужиков из Новгородского вече; лоснящихся монголов, как будто сросшихся со своими коричневыми лошадьми, и каких-то мутных печенегов и половцев, которых ей никак не удавалось представить. Чтобы прогнать их, она открывала окно своей общажной комнаты, такое старое, что через него, наверное, смотрели в светлое коммунистическое будущее еще первые студенты университета, и вдыхала черный сырой воздух, который ласково забирал с собой всех призраков из учебника отечественной истории. Эта муть закончилась ближе к июлю, когда наконец-то вылезло солнце и принялось торопливо испарять всю жидкость, вытекшую на землю за предыдущие недели.

Следующие две с половиной секунды длился в Надиной голове последний экзамен. Надя вспоминала, как она шла туда через неухоженное универское футбольное поле, как в этой густой пахучей испарине, поднимавшейся над травой, она, наконец, ясно ощутила присутствие лета. Это был ерундовый экзамен, «Историческое краеведение», и народу там было всего человек пять, потому что всем остальным, кто съездил в марте на какую-то викторину в библиотеку Пуш-

кина, давно поставили «автоматы». Надя что-то наплела про Бухгольца и про Омскую крепость с четырьмя воротами, на которую так никто и не напал, и Егор Сергеевич, единственный молодой препода на их кафедре, небрежно черкнул ей «отл.» и неожиданно рассказал про эту лагерную смену, «Интеллект». Что она проходит в августе, на базе «Березка» в Чернолучье. Что там будут отдыхать всякие умные дети с пятого по восьмой класс. Что будут разные лекции, соревнования, кинопоказы и (почему-то эта фраза озадачила Надю больше всего) интеллектуальные игры. Что сам он, Егор Сергеевич, поедет на смену для старшеклассников, «Логос», а в «Интеллект» не хватает вожатых, и он приглашает Надю. Что ей не нужно будет читать лекции и придумывать загадочные интеллектуальные игры; она должна будет просто будить детей из своего отряда в восемь утра, водить в столовую, следить за дисциплиной и помогать с представлениями для вечерних мероприятий. Ничего из этого Надя раньше никогда не делала, а формулировка «вечерние мероприятия» повисла смутной загадкой, но она подумала, что это все равно должно быть веселее, чем торчать в Исилькуле с мамой и сестрой, и согласилась. Подумала, что нужно взять с собой что-нибудь нарядное, раз будут вечерние мероприятия.

Всего полсекунды заняли воспоминания об июле. Это был долгий пустой месяц, проведенный дома в Исилькуле. Надя прочитала случайно подвернувшуюся «Над пропастью во

ржи». В целом, ей понравилось, но она была немного разочарована: всю книгу ждала, что произойдет какое-нибудь важное, колоссальное событие, но там так ничего и не произошло. Да и парней таких, как этот Холден Колфилд, она не встречала. Больше ничего в июле не было, Надя даже толком ни с кем не общалась. Школьная подруга Кристина, которая училась в педагогическом на инязе, почти на все лето уехала работать волонтером то ли в Венгрию, то ли в Бельгию. Или вообще в Болгарию. Надя все собиралась написать ей сообщение во «Вконтакте», но Кристина так редко туда заходила.

Целых три секунды ушли у Нади на события трех последних дней. Как ехали в Чернолучье в душном автобусе, как ей выдали вожатскую футболку истерично-голубого цвета, как она познакомилась с Витей, с которым они вместе были вожатыми Второго отряда (или отряда «Интеллектуальные Тигры» – это туманное название в первый вечер придумала группка самых бойких детей). Витя, толстенький парень с короткими бесцветными волосами и круглыми глазами, учился на четвертом курсе матфака. Он работал в «Интеллекте» уже третий август подряд и был уверен в своей вожатской неотразимости: играл на гитаре всякие веселые песни типа «Все идет по плану, я люблю сметану», постоянно носил бейджики с именами других вожатых и разговаривал так, как будто выучил наизусть книгу «Тысяча и один прикол». Короче говоря, дети его обожали, и Надя с облегчением поняла, что ей не придется целыми днями мучитель-

но пытаться быть веселым и классным примером для подражания – это была только Витина роль. Она почти все время проводила с застенчивыми девочками и мальчиками, которые составляли примерно половину их отряда: в перерывах между насыщенной интеллектуальной программой смены, казавшейся Наде невыносимым позерством, она играла с ними в волейбол или в «Мафию», а перед сном заходила в комнаты поболтать. Время шло медленно и уперлось в первое вечернее мероприятие, сегодняшний детский конкурс миниатюр «Визитка», во время которого Надя почему-то смотрела только на одного ребенка на сцене – нарисованного и безносого. А после «Визитки», когда дети, настоящие и носатые, наболтались друг с другом, набродились по коридорам в своих разноцветных пижамах и уснули, все взрослые пошли на это странное жонатское посвящение.

Две секунды Надя вспоминала предыдущие два часа. Раньше слово «посвящение» ассоциировалось у нее исключительно с дискотекой, которую проводил университет в клубе «Атлантида» в честь первокурсников, почти год назад, когда она только поступила. У нее тогда не было ни денег, ни времени купить что-нибудь новое, и она пошла в своем выпускном платье. Прямое, белое, в греческом стиле – оно ей так нравилось, и стало нравиться еще больше после того, как в «Атлантиде» ее приглашали танцевать все подряд, и старшекурсники тоже, а один высокий парень даже угостил каким-то оранжевым коктейлем с приторным вкусом, напо-

минавшим персик. Сейчас, перед загадочным вожатским посвящением, Надя достала это платье из сумки – оно совсем не помялось – и надела. Причесалась, накрасилась – хотелось побыть красивой после трех дней в этой противной голубой футболке, хотелось нормально познакомиться с кем-нибудь еще, кроме Вити. Надя чуть не заплакала, когда, стоя на сырой бетонной площадке с остальными впервые приехавшими в «Интеллект» вожатыми, поняла, что посвящение – это не дискотека в актовом зале, а что-то совсем другое вроде беготни по лесу под дождем. Почему-то все остальные вокруг это заранее знали и стояли в ветровках или толстовках. Стояли и смеялись. Над ней. Даже ржали. «Да пошли вы на хер», – это Надя подумала про себя, а вслух сказала, что переодеваться она не пойдет, потому что в платье ей больше нравится. Конечно, это все могло звучать убедительнее, если бы не ее дрожащий голос, стучавшие зубы, посиневшие губы и прочие последствия стояния в одном шифоновом платье под холодным густым дождем. Кто-то дал ей гигантскую красную толстовку с надписью «HABS». Надя на мгновение оказалась с головой в красной утробе этой жуткой вещи и подумала, что ее, наверное, вообще никогда никто не стирал. Зато, когда голова показалась над засаленным воротником, Надя как будто перевоплотилась, как в детстве по телеку Банни Цукино перевоплощалась в Сейлор Мун. Она на час стала какой-то Сейлор-HABS, которой было весело шариться по ночному мокрому лесу в компании таких

же новичков, как она; было весело выполнять задания таких же «старичков», как Витя, который сейчас даже не раздражал. Они вязали какие-то узлы; переворачивали отсыревшее покрывало, не вставая с него; доставали из какого-то говна пластмассовые буквы и складывали их в слова; они хором выкрикивали матерные частушки. Наде так понравились ребята вокруг: они были такие веселые, такие скромные, такие надежные. Правда, в темноте она толком не различала лиц и со страхом думала, что все это посвящение (вот это и было настоящее посвящение, а убогая «Атлантида» отныне даже не заслуживала внимания!) закончится, и наступит день, и она никого не сможет узнать, и вообще будет уже не Сейлор-НАBS, а обычной унылой Надей. Однако ночь длилась, и они вышли к клубу, в пятно желтого света. Здесь Надя увидела, что их группу вела Оля, старшая вожатая, которая каждый вечер проводила планерки. Почему-то ее форменная футболка имела более приятный оттенок, чем футболки остальных вожатых. Оля много курила и постоянно напевала что-нибудь из «Фабрики звезд». Она и сейчас курила и громко заставляла остальных хором петь: *Я теряю корни и улетаю в небо*. Надя выкрикивала эти слова вместе со всеми, и ей казалось, что она правда сейчас улетит, и черный бархат неба проглотит ее, как проглатывал в июне персонажей кровавой истории, оживавших из старых библиотечных учебников. Но она не хотела улетать, и, чтобы заземлиться самой и заземлить остальных, чтобы почувствовать вес этого момен-

та, Надя принялась судорожно обнимать всех стоявших рядом – этих людей, которых она даже не знала три дня назад, а сейчас как будто бы любила больше, чем свою семью.

На сцену все выходили по очереди; Надю со словами «бальное платье!», которые ее уже не обижали, отправили первой. Но сначала Оля сказала, что нужно согреться и расслабиться перед последним и самым главным испытанием, и налила в пластиковый стаканчик водку «Зеленая марка». Надя никогда раньше не пила водку, и сейчас подумала, что это станет ее первой в жизни границей, которую она сама для себя проведет. У нее раньше не было никаких «до» и «после», не было драматических встреч и расставаний, она даже не была толком уверена, лишилась ли девственности пару лет назад. Надя четко поняла: всё, что раньше, было наполовину, а сейчас будет по-настоящему. «Вот сейчас я – Надя, которая никогда не пила водку, а через три секунды буду Надей, которая ее пила» – думала она. Смотря в белый пластиковый стаканчик, на четверть наполненный идеально прозрачной жидкостью с идеальным запахом чистоты, она проводила для себя границу взрослости. «Ну давай уже, платье, пей» – крикнул кто-то. Она выпила, вкуса не было, горло обожгло, Оля вывела ее на сцену и сказала не смотреть в зал.

Надя совсем не чувствовала себя пьяной, ей просто было очень тепло, и мысли пульсировали так быстро, что она казалась себе сверхчеловеком, с которым сию секунду должно произойти какое-то сверхсобытие, способное затмить собой

и этот вечер, и это холодное лето, и всю ее девятнадцатилетнюю жизнь. Как-то неожиданно на сцене появился начальник смены Плаксин, лысеющий мужчина лет сорока пяти в ярко-красной футболке. Уголки его коричневых, как будто матовых глаз были грустно опущены вниз. Он встал напротив Нади, взял ее за плечи, осторожно подвинулся вместе с ней к краю сцены и ласково спросил: «Наденька, ты нам доверяешь?» Наде показалось, что в зале что-то зашумело, но она продолжала смотреть в глаза Плаксину. После ее искреннего «Доверяю», Плаксин быстрым движением столкнул Надю вниз.

## 2

Надя даже не успела испугаться; через десятую долю секунды она приземлилась на шесть пар чьих-то заботливых рук. Стало ясно, что, пока она смотрела в грустные глаза Плаксина, парни, недавно гонявшие ее и других новичков по лесу, а теперь оказавшиеся в зале, встали с мест и сложили руки наподобие носилок. Доверие оправдалось, – и как быстро! – восторг захлестнул Надю и брызнул из глаз. «Ооо, платье, не плачь», – сказал кто-то из парней. Они смотрели на нее с теплотой, и плакать захотелось еще сильнее. Секунду она лежала, как королева, в белом платье, заляпанном лесной грязью, и смотрела им в глаза, кажется, всем одновременно. Карие, зеленые, голубые, спрятанные за стеклами очков или за расширенными зрачками; Надя подумала, что у нее сейчас, наверное, тоже расширены зрачки. Чтобы было удобнее встать, она ухватила кого-то за шею. Это был парень почти такого же, как Надя, роста, с карими глазами, которые, в отличие от непроницаемых глаз Плаксина, блестели и как будто посмеивались над ней. На нем была красная кепка, повернутая козырьком назад, и он кого-то напомнил Наде, но она не поняла, кого. Он немного подержал ее повыше талии и опустил на пол. Надя улыбнулась в ответ, но кареглазый парень уже приготовился ловить со сцены хрупкую Иришу, знавшую, как выяснилось раньше, больше всех матерных ча-

стушек.

Эмоции давили изнутри, как воздушный шар, и Надя села в последнем ряду актового зала, чтобы спокойно поплакать. Спустя несколько минут и несколько упавших со сцены человек, шар немного сдулся, Надя вытерла слезы и сама себе удивилась: что это с ней, вроде она не из тех, кто плачет без особых причин. Она стянула толстовку «HABS», в которой стало жарко, и решила попросить у кого-нибудь зеркальце, чтобы посмотреть, насколько сильно у нее размазалась тушь. Через несколько рядов громко болтали три девчонки из «старичков», они постоянно друг друга перебивали и хохотали. Надя подошла поближе, и ей показалось, что все трое, хоть и выглядели совершенно по-разному, были неуловимо похожи друг на друга. У всех были некрасивые челки, какие-то кривые и как будто примятые, все они смотрели на нее с высокомерием некоего тайного знания. Надю не удивило, что ни у кого из них не было с собой зеркальца – с такими-то челками! Она решила больше ни у кого не спрашивать, отыскала в клубе туалет и там, глядя в мутное зеркало, склеенное внизу синей изоляцией, обнаружила, что тушь почти не подтекла. «В следующий раз куплю такую же», – мелькнуло на периферии сознания.

В актовом зале все уже сидели за длинным столом, составленным перед сценой из нескольких парт немного разной высоты. Бутерброды с колбасой и оставшиеся с полдника апельсины, которые заранее быстренько подрезали какие-то

ответственные девчонки во главе с Олей, уходили под водку и неоднородный гул разговоров. Скоро вместо специалиста будут бакалавриат и магистратура; коммунизм можно построить только в маленьких странах типа Исландии; Стив Возняк – настоящий компьютерный гений, а Стив Джобс – просто маркетолог; антибиотики не помогают от вирусов; «Интеллектуальные Тигры» неплохо выступили сегодня, и отряд «Ракетное топливо» – тоже; когда-нибудь поезда будут быстрее самолётов; героин – это почти таблетки от кашля, только с другой функциональной группой; говорят, что Артемьев мутит с женой Астафурова. Надя начинала пьянеть, и все эти разговоры наматывались на подрагивающую ось ее сознания. На секунду ей захотелось рассказать, как в июне к ней приходили толпы новгородских князей, но она передумала. Не произнося ничего существенного, выпивала вместе со всеми и аккуратно складывала на белой пластмассовой тарелке оранжевые дужки апельсиновых шкурок. Выпивали часто, потому что Плаксин постоянно предлагал тосты за тех, кого сегодня посвящали. Выпивали за Олежку, который знал наизусть песню «Арго» и зачем-то продемонстрировал это на испытании с покрывалом, стоя на одной ноге; выпивали за Оксану, которая с удовольствием разделась до лифчика, когда нужно было делать веревку из одежды (у Нади хватило смелости снять только безразмерную HABS); почему-то несколько раз выпили за чувствительного Сашу, который расплакался, когда его заставляли петь крайне непри-

личную песню про деда Максима и его гигантское мужское достоинство. Когда тостовая очередь дошла до Нади и ее экстравагантного наряда, все еще сильнее оживились, чья-то рука похлопала ее по шифоновому плечу, а кто-то с другого конца стола прокричал ей: «Эй, Надежда, есть надежда, что вернешь мне толстовку?» Надя обернулась – это был тот самый парень в красной кепке, только сейчас кепка была надета козырьком вперед, озаряя пространство огромной белой надписью «HABS». Надю как будто затопило теплым сиропом из удивления и радости: тот же мальчик, что подхватил ее после падения, еще и спас от обморожения, и к тому же назвал по имени. Она снова задумалась, кого он ей все-таки напоминает. Надя прокричала ему: «Спасибо, ты меня так выручил», – не ответив на заданный вопрос, и, собрав все свои пьяные силы, постаралась изящно развернуться на длинной скамейке, чтобы оказаться спиной к столу и при этом не задеть ногами сидевших рядом Иришу и Сашу. С неуместной для этого времени суток стремительностью она побежала к последнему ряду сидений, где ее ждала заветная толстовка. По пути Надя задела и уронила какой-то стул. Или это была вешалка?

Потом начались песни под гитару. Почти весь репертуар Надя за три дня успела выучить и подпевала, охотно растворяя голос в общем хоре. Когда кто-нибудь из гитаристов, желая выпендриться, играл что-то малоизвестное, у нее от пассивного слушания сразу начинали слипаться глаза, но она не

уходила. Мысль о том, чтобы пойти спать на свою кровать с панцирной сеткой, казалась нелепой: уйти означало разрушить волшебство, искрившее в проспиртованном воздухе. Олежка оставил пристрастие к «Арго» и спел трогательный «Полонез»; Плаксин поделился ностальгической песней, которую сочинил сам; долговязый Сергей с хвостиком на затылке спел красивую, но тяготящую балладу про Иерусалим, ожидаемо восхитившую девочек с кривыми челками. Когда гитара дошла до Вити, он неожиданно попросил Надю заказать песню. Ей захотелось пококетничать: «Удиви меня, Витюша». Но Витюша отчего-то начал петь «Тишину» – наверное, самый заезженный лагерный хит, сопровождавший любое мероприятие, любой отрядный вечерний «Огонек». Удивить этой песней было невозможно, но она не становилась хуже: все с удовольствием орали про *годы*, которые *летят стрелой* и про то, что *скоро мы с тобой разом из города уйдем*. После финальных слов: *Хватит места нам с тобой*, – гитара наконец-то оказалась у парня в красной кепке (Юра, его звали Юра – это успело несколько раз промелькнуть за столом), и вот он-то действительно удивил Надю. *Осенью в дождливый серый день*, – она сначала подумала, что ей показалось, ведь не бывает таких совпадений, не положено так много счастья за один раз. Но после второй строчки, *Проскакал по городу олень*, Надя убедилась, что это та самая песня про оленя, которую она так любила в детстве, и так давно не слышала, и уж точно не ожидала услышать здесь.

Она начала подпевать, и оказалось, что больше никто не знает текста, и сейчас в ночном эфире было только два голоса, ее и Юрин. Он смотрел на нее и улыбался, множа волшебные искры. *Где была живёт и небыль, Умчи меня туда, лесной олень!* – Надя растягивала эти слова, но в них не было никакого смысла, ведь невозможно было хотеть умчаться отсюда, где эти блестящие глаза, и козырек кепки снова развернут назад, и можно рассмотреть лицо, и засветить его на фотопленке подсознания, чтобы никогда не забыть.

Когда Надя, наконец, оказалась в костлявых объятиях своей панцирной кровати, спать оставалось не больше четырех часов. Перед тем, как она увязла в черной сонной топи, болотным огоньком мелькнула догадка, кого же ей напоминает Юра. Надя именно так и представляла Холдена Колфилда, когда читала «Над пропастью во ржи»: красная кепка, смеющиеся глаза и миллион удивительных мыслей. «Нет, – думала она, засыпая, – книжка все-таки классная».

Через пару дней Надя перестала отрицать очевидное и честно призналась себе, что влюбилась. Вся огромная, бестолковая любовь, которую она неожиданно испытала в ночь посвящения ко всем сразу и ни к кому конкретно, раскрутила барабан космического «Поля чудес»; стрелка поворачивалась и остановилась на секторе «Юра Стеклов»; космический Якубович улыбнулся в свои космические усы. «Нет, это не может быть случайностью, – думала Надя, – Юра необыкновенный, почти волшебный, поэтому я и влюбилась в него. Случайно я могла бы запасть и на какого-нибудь Витю». Она не понимала, как остальные могут не намечать волшебства, сопровождавшего каждый Юрин шаг; как они могут стоять с ним рядом, болтать, хором петь на «Огоньках», есть за одним столом – и не осознавать происходящего с ними счастья.

Наде казалось, что еда и сон перестали ее питать; единственным источником энергии стало воображаемое подобие солнечной батареи, которое теперь было установлено в Надином животе и заряжалось от присутствия Юры. Ее любимым временем дня стал тихий час, во время которого парни обычно выходили на спортплощадку поиграть в футбол или в баскет. Сидя на скамейке или лежа на траве, Надя смотрела, как Юра в одних шортах и красной кепке бьет по мячу, или отдает пас, или бросает мяч в корзину, иногда попа-

дая, а иногда нет. Она любовалась его легким и гибким телом и чуть не сходила с ума, когда видела, как после игры он с полотенцем и пакетиком с надписью «NIVEA» идет в летний душ. Однажды, когда он во время очередного баскетбола подбежал попить к скамейке, на которой сидела Надя с другими девчонками, стало заметно, что у него под лопаткой есть белый шрам в виде звездочки. Надя представила, что однажды ему было очень больно, и у нее заныло в животе.

Юра был очень умный. Надя думала бы так, даже если бы не влюбилась в него. Он перешел на третий курс Санкт-Петербургского Технологического института, и Надя не могла представить, какие космические знания о веществе и материи вмещает его голова. Он знал примерно всё, это было очевидно на интеллектуальных играх, которые оказались просто ответчанием на заковыристые вопросы. Юрина вожатская команда с лаконичным названием «Ржи!» каждый раз правильно отвечала почти на всё, а вот команда, в которой была Надя (она называлась «Витя и первачки»), обычно уступала каким-нибудь подозрительно умным детям. «И то, что он учится в Питере, – думала Надя, – это ведь не только про ум, это и про смелость тоже. Нужно быть смелым, чтобы после школы уехать так далеко от родителей в незнакомый город. И не в попсовую Москву, – заключала она, – а в Питер». Впервые она задумалась об этом городе, в котором никогда не была – какой он? На ум пришли слова «загадочный» и «сумрачный». И еще – «Юрин». Мысли о Петербурге уводи-

ли ее сознание все дальше по географической карте, куда-то в Венгрию, или в Бельгию, или в Болгарию, и она вспоминала о Кристине. Интересно, может, она тоже влюбилась там в кого-нибудь? Надя подумывала написать ей во «Вконтакте», но через ее телефон старой модели не получалось выйти в интернет. Можно было попросить у Вити айфон или договориться с Олей посидеть за штабным компьютером, но не хотелось заморачиваться.

Конечно, он обращал на нее внимание. Он всегда помогал, если им случалось дежурить вместе в столовой. Поварихи почему-то не давали сначала расставить по столам пустые стаканы, а потом уже налить в них компот или чай (вкус у столовских напитков был примерно одинаковый), – они заставляли таскать тяжеленные подносы с наполненными стаканами. Юра сразу брал подносы за Надин отряд, а потом за свой, его даже не нужно было просить. Иногда по вечерам он оставлял Олежку, с которым они работали вместе, одного укладывать детей спать и приходил к ним в корпус поболтать. А на всех вожатских пьянках, если Юра брал гитару, он непременно обращался к Наде: «Ну что, про оленя?», – наполняя ее внутреннюю батарею колоссальным количеством тепла. Но все эти маленькие события, хоть и служа Наде необходимым топливом, все же оставляли ее на зыбкой почве предположений и сомнений. В общем-то, ей и там нравилось стоять, ведь оттуда так отчетливо было видно ярко-зеленое футбольное поле, по которому бежал улыбающийся

Юра в красной кепке и синих шортах.

Однажды, дня за четыре до конца сезона, Надя задержалась после вечерней планерки, сдавая Оле журнал осмотра на укусы клеща. По инструкции, вожатые должны были чуть ли не три раза в день осматривать детей во всех сокровенных местах – конечно же, так никто не делал, все просто заполняли журналы подписями на случай внезапной проверки СЭС. Оля была в сентиментальном настроении; едва взглянув на нарциссическую череду автографов, она неожиданно начала расхваливать Надю, их с Витей блестящий тандем и то, как здорово им удалось сработаться. «А в Пятом отряде, представляешь, – поделилась она, – Ира и Сережа друг друга, оказывается, терпеть не могут! И я узнала об этом только сейчас! Понятно, почему их беспонтовые «Ньютончики» всегда на последнем месте! Потому что не может быть хорошего отряда, когда вожатые не друзья!» У Нади, наоборот, настроение не было сентиментальным: за весь день она в первый раз увидела Юру только сейчас, на планерке, и то он сидел, закрыв лицо кепкой, изображая благородную непроницаемость. Поэтому она раздраженно ответила Оле, что ничего не знает ни про какую дружбу и сама тоже не в восторге от Вити. Эти слова привели Олю в белую ярость; она вскочила со стула и вплотную подошла к Наде, впустив ее в облако своего запаха. Это была смесь хорошей туалетной воды «Lacoste» и говняных сигарет типа «Вайсрой» или, наоборот, дорогого «Парламента» и мыльной подделки под

«Lacoste». Оля начала орать что-то про свой идеальный вожатский коллектив, в котором не бывает конфликтов, и про то, что не рассказывать ей о проблемах и дискомфорте значит поступать, как предатель. Надя собралась ответить, что наибольшей проблемой за весь сезон стал для нее этот разговор, спасибо большое, но ее опередила реплика с другого конца пустого штаба – унылого холодного помещения с неизменно высокой концентрацией комаров. «Оль, ты извини, я за вчера так ни разу и не посрал, и у меня теперь такой дискомфорт. Прости, что сразу не сказал, но я не предатель, честно!» – это был Юра, его кепка лежала рядом с ним на столе, демонстрируя примятые кудряшки. Надя замерла, в животе и в голове сразу стало горячо: неужели он тоже задержался после планерки, а она его даже не заметила? Оля тоже замерла; секунду она смотрела на Юру, как будто впервые его увидела, а потом неожиданно расхохоталась.

Она хохотала так, как будто долго смотрела на что-то безумно смешное, но сдерживалась, а потом наконец-то у нее появилась возможность хорошенько поржать. Надя сразу вспомнила, как в седьмом классе делала на биологии доклад про фикус, а Кристина незаметно для учительницы показывала ей всякие рожи, передразнивая одноклассников. Надя до сих пор не забыла это чувство, когда смех распухал внутри нее, как дрожжевое тесто, а она давила его и невозмутимо рассказывала про свой фикус. Когда, наконец, учительница поставила ей «четверку» и отпустила на место, Надя

тонюсеньким голосом, обозначавшим предел ее возможностей, попросилась выйти, выбежала из класса, с трудом добежала до туалета и там бесконечно долго выпускала накопившийся смех. Она так безумно не смеялась ни до, ни после этого; в какой-то момент ей вообще уже перестало быть смешно, а смех все не прекращался; она даже испугалась, что так и задохнется в туалете, среди пошарпанного кафеля, и эта мысль породила новые пузыри дикого смеха. У Оли сейчас был подобный припадок; Надя недоумевала, где и когда их жесткая старшая вожатая успела накопить столько смеха. Оля кое-как смогла выдать: «Ребят, простите, у меня бывает», – имея в виду то ли этот хохот, то ли предшествовавшую ему вспышку гнева. Надя посмотрела на Юру – он, уже в кепке, кивнул в сторону двери, как бы приглашая выйти с ним; и снова накатило тепло, и Оля с ее нелепыми эмоциями уже не волновала, моментально став частью прошлого, наравне с фикусом, школьным туалетом и дрожжевым смехом.

– У меня сестра такая же, – Юра щелкнул зажигалкой и затянулся; в темноте Надя не успела разглядеть, какие у него сигареты. – Начнет ржать и не может остановиться. Лучше всего просто выйти, она тогда быстрее успокоится. Будешь курить?

Надя кивнула. Обычно она не курила, но техника была знакома ей со школы – научилась где-то между докладом про фикус и покупкой выпускного платья в греческом стиле. Они стояли за углом административного здания, в сторо-

не от пятна фонарного света. Юра отдал ей свою сигарету, а себе зажег новую; Надя с удовольствием затягивалась, чувствуя покалывание тысячи веселых иголочек в голове и отмечая про себя, что раскурить одну сигарету на двоих – это почти как поцеловаться, только раз в двадцать слабее. Или даже в двести.

– У тебя есть сестра? – глупо переспросила она.

– Да, младшая, в десятом классе учится. Ленка. – Юра снова затыкнулся. Наде захотелось увидеть его глаза, но он смотрел куда-то в сторону. – Хочет тоже в Питер поступать после школы, но на фиг она мне там нужна? Пусть лучше едет в Новосиб – там Академгородок, прикольно, да и к родителям поближе. Мне кажется, пусть бы вообще с ними оставалась, в Омске, но она, видите ли, хочет свободы, – он усмехнулся, – в общежитии хочет пожить.

Наде захотелось рассказать ему, как она ненавидит свою общежитие: жирную общую кухню с тараканами на посуде; холодную грязную душевую; мусорку в туалете, полную чьи-то распластанными окровавленными прокладками; окно в комнате, которое нельзя было открыть, не занозив палец; стену с обоями в цветочек, за которой постоянно кто-то трахался, а она – нет. Это было желание не то чтобы пожаловаться, скорее, просто дать ему почувствовать, как она живет. Но Надя ничего не стала рассказывать, просто спросила:

– Тебе нравится жить в общежитии?

– Ну, когда как.

– Мне тоже: когда как.

Они немного помолчали, выдыхая дым. Надя ругала себя: может быть, сейчас происходит самое главное, то, ради чего вообще стоило припереться в этот лагерь, а она, как дура, говорит про общагу. «Нужно срочно обсудить что-то важное, настоящее!» – паниковала она, никак не находя подходящую тему.

– Надя, ты не переживай, – неожиданно сказал Юра. – Я Олю знаю со школы, она просто долбанутая, вечно порет какую-нибудь херню. Не принимай на свой счет.

– Да я не переживаю, Юра. Просто, – Надин голос резко стал писклявым, – просто я не люблю, когда кто-нибудь указывает мне, что делать, как будто я сама не могу решить!

– Так никто это не любит, Надь, – он наконец-то посмотрел ей в глаза. Снова захотелось сказать что-то важное, но Надя не знала, что.

Юра затушил окурок об урну и выбросил; она сделала то же самое.

– Спокойной ночи, до завтра! – ласково сказал Юра, погладил Надю по плечу и пошел в сторону своего корпуса.

Надя посмотрела вверх: небо весело подмигивало ей серебряными глазами. «Нет, он не стал бы себя так вести, если бы я ему не нравилась, – думала она, и небо с ней соглашалось, – он сейчас сделал первый шаг». Заскрипела дверь административного корпуса – это Оля наконец-то отсмеялась и пошла к себе спать. Надя пару минут смотрела на ее спи-

ну в белой ветровке и слушала удаляющиеся обрывки песни «Когда я стану кошкой», потом села на скамейку перед входом, поджала ноги и обняла колени. Смотря на носки своих кед, которые неестественно белели в темноте, Надя продолжала думать: «Он сейчас сделал первый шаг, – сердце стучало где-то в голове, – а мне нужно сделать второй».

– Надя! – она обернулась, рядом стоял Витя; он, как всегда, улыбался. – Ты чего тут сидишь, а вдруг волки съедят? Пойдем в корпус, там такая ржака, дети сложили пирамиду из пакетов с ряженкой!

Шло время, а Надя медлила со своей любовной экспансией. Она так и не придумала никаких важных и настоящих тем, чтобы обсудить их с Юрой, и с ужасом наблюда-ла, как остаток сезона стремительно таял на внезапной августовской жаре. Что-то произошло с ходом времени: поначалу казалось, что Земля оборачивалась вокруг оси примерно за неделю, такими долгими были первые дни; а теперь ей как будто стало хватать на это всего пары часов, и события пугающе ускорялись. Все суетливо готовились к последнему вечернему мероприятию, кинофестивалю, и в любой точке лагеря можно было встретить вожатых, сосредоточенно снимающих на камеры или фотоаппараты детей-ковбоев, детей-Спанчбобов, детей-инопланетян. Надя со смехом признавала, что у них с Витей действительно неплохой тандем: он придумывал всякие глупости про загадочное убийство на футбольном поле, а она продюсировала будущий фильм. Оставшиеся дни сезона ушли на вырезание картонных пистолетов, намешивание бутафорской крови, поиск подходящих костюмов среди детских шмоток и утомительные переговоры с начинающими звездами. В последний вечер детектив «Загадочное убийство на футбольном поле» (режиссер Виктор Плотников) имел оглушительный успех и уступил по крутости только артхаусному шедевру «Спанчбоб в

стране чудес» (режиссер Юрий Стеклов). После кинофестиваля и долгого слезливого «Огонька» детей ждала королевская ночь, когда официально разрешалось не спать и беситься (но никакой зубной пасты!), а вожатых – прощальная вечеринка с салатами и курицей-гриль, за которыми Плаксин съездил с утра в «Ленту».

До полвторого ночи Надя пробыла в общей комнате за песнями, слезами и объятиями. Дети давали свои фирменные блокноты «Интеллекта» и просили написать им пожелание на память. Она каждый раз старалась сочинить что-нибудь милое и особенное, только самым противным или самым незапоминающимся детям писала одно и то же: «Ты молодец! Оставайся собой! Обнимаю, Н.» Когда блокноты стали повторяться, Надя поняла, что пора идти. Оставив Витю в пятнадцатый раз петь «Тишину», она пошла в вожатскую, переделалась во что-то более или менее чистое и отправилась в актовый зал.

Надя шла по темным дорожкам между корпусами и радовалась, что вся суета, наконец, закончилась, и теперь можно думать только о Юре. Как фильм вне конкурсной программы лагерного кинофестиваля, в ее голове бежали кадры: вот она садится рядом с Юрой, а он улыбается в ответ; вот она восхищается его гениальным «Спанчбобом», а он снова улыбается; вот она спрашивает у него, читал ли он «Над пропастью во ржи», а он удивленно смотрит на нее и говорит, что давно хотел прочесть, но все руки не доходили; вот она признает-

ся, что он напоминает ей Холдена Колфилда, главного героя, своей красной кепкой, смеющимися глазами и миллионом удивительных мыслей. Она рассказывает эту историю про уток в пруду, а он рассуждает, куда они деваются зимой. Потом он говорит, что в Питере много уток. Может быть, даже рассказывает, что означает надпись «HABS».

Фильм не успел закончиться – Надя вошла в актовый зал. Народу было мало, наверное, многие еще сидели в корпусах со своими отрядами. Юры тоже не было, даже не требовалось особенно смотреть по сторонам и искать его – это становилось понятно сразу. Надя села за стол, традиционно составленный из парт под сценой, рядом с Иришей и Сашей. Они выпили за сезон, за то, что приехали сюда в первый раз и уж точно не в последний, за кинофестиваль и еще за что-то. Надя жевала холодную курицу-гриль и иногда смотрела по сторонам. Праздник становился многолюднее; она увидела лысину Плаксина, круглый силуэт Вити, торчащий хвостик Сергея. Начались коллективные тосты, и на этот раз их предлагал не только Плаксин, а все подряд. Надя тоже предложила тост (наверное, впервые в жизни) – за то, чтобы мечты сбывались. Она тянулась через стол, чтобы со всеми чокнуться, и под хруст пластика оглядывалась, искала и не находила красную кепку. В какой-то момент подошла Оля и попросила выйти с ней на секунду. У Нади мелькнуло, что такие, как эта Оля, все время просят с ними выйти, никогда не объясняя на месте, что им нужно. В каком-то темном за-

кутке актового зала Оля долго извинялась за свою вспыльчивость, говорила, как Надя хорошо справилась с работой, как сильно коллектив нуждается в таких людях, как она. Надя почти не слушала; она снова чувствовала Олин запах и мысленно склонялась в сторону комбинации хороших сигарет и плохого парфюма, а не наоборот. Наконец, Оля закончила монолог, обняла ее и спросила: «Ну что, Надя, мы с тобой разобрались?» Не вдаваясь в подробности, Надя кивнула и вышла на свет. Вышла и сразу поняла, что он здесь.

# Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.